

Упоров И.В., Зайцева Д.Т. Истоки и обсуждение идеи института условного осуждения в научных трактатах правоведов Российской Империи // Академия педагогических идей «Новация». Серия: Научный поиск. – 2018. – № 01 (январь). – АРТ 10-эл. – 0,3 п.л. - URL: <http://akademnova.ru/series-scientific-search>

РУБРИКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор

Зайцева Диана Темуровна

к.ю.н.

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Российская Федерация

**ИСТОКИ И ОБСУЖДЕНИЕ ИДЕИ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО
ОСУЖДЕНИЯ В НАУЧНЫХ ТРАКТАТАХ ПРАВОВЕДОВ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования идеи условного осуждения как меры уголовно-правового воздействия (в современном его понимании) в научных трудах дореволюционной России. Анализируются «Наказ» Екатерины II, работы А.Н. Радищева, О.Г. Горегляда, Г.И. Солнцева, Н.В. Духовского, А.С. Чебышева-Дмитриева, Н.И. Тургенева, А.А. Пионтковского, Н.С. Таганцева и других российских криминалистов. Дается оценка соответствующим подходам при обсуждении различных признаков условного осуждения. Отмечается, что условное осуждение как системная мера уголовно-правового воздействия стала обсуждаться только при рассмотрении проекта Уголовного уложения

на рубеже 1900 г., показаны причины того, почему этот институт так и не был включен в уголовный закон.

Ключевые слова: наказание, гуманность, условное осуждение, освобождение, преступление, уложение, принуждение, испытательный срок.

Uporov Ivan Vladimirovich

Doctor of History, Candidate of Law, Professor

Zaitseva Diana Temurovna

Candidate of Law

Krasnodar University of MIA of Russia

Krasnodar, Russian Federation

**ORIGINS AND DISCUSSION OF THE IDEAS OF THE
INSTITUTE OF CONTINGENT CONDEMNATIONS IN SCIENTIFIC TRACTS
OF LAWYERS RUSSIAN EMPIRE**

Annotation: The article deals with the process of formation of the idea of conditional condemnation as a measure of criminal legal influence (in its modern sense) in scientific works of pre-revolutionary Russia. Analyzed "Order" of Catherine II, the work of A.N. Radishcheva, O.G. Goreglyada, G.I. Solntseva, N.V. Dukhovskiy, A.S. Chebysheva-Dmitrieva, N.I. Turgenev, A.A. Piontkovskiy, N.S. Tagantsev and other Russian criminalists. An assessment is made of the corresponding approaches when discussing various signs of conditional conviction. It is noted that conditional condemnation as a systemic measure of the criminal-legal impact began to be discussed only when considering

the draft Criminal Code at the turn of 1900, showing the reasons why this institution was never included in the criminal law.

Key words: punishment, humanity, conditional condemnation, release, crime, deportation, coercion, expiration period.

Институт условного осуждения в уголовном законодательстве России в современном его понимании появляется сравнительно поздно – практически до конца XIX в. законодатель даже не использует соответствующей терминологии. Однако теоретические истоки условного осуждения как меры, смягчающей наказание за совершение преступления, стали формироваться во второй половине XVIII - начале XIX вв. в трудах государственных и общественных деятелей, публицистов, ученых. В этом смысле представляет интерес позиция императрицы Екатерины II, которая, как известно, является автором значительного количества работ, имеющих научное значение. В 1767 г. она публикует свой «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» [1]. В этом правовом сочинении нас интересует прежде всего глава X: «Об обряде криминального суда». В ней нашли отражение основные концептуальные положения как уголовно-процессуального права (судопроизводства), так и материального права. В частности, «Наказ» предписывает применять наказания с осторожностью (ст. 208) и дает специальные пояснения, указывая, в частности, что «намерение установленных наказаний не то, чтоб мучить тварь, чувствами одаренную, они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу и чтоб отвратить сограждан от содеяния подобных преступлений. Для сего между наказаниями следует употреблять такие, которые ... впечатляли бы в сердцах людских начертание самое живое и долго пребывающее, и в то же самое

время были бы меньше люты над преступниковым телом» (ст. 205); «чтоб наказание произвело желаемое действие, довольно будет и того, когда зло, оным причиняемое, превосходит добро, ожидаемое от преступления, прилагая в выкладке, наказывающей превосходство зла над добром, так же и известность наказания несомненную и потеряние выгод, преступлением приобретаемых. Всякая строгость, превосходящая сии пределы, бесполезна, и, следовательно, мучительская» (ст. 206) «поелику наказания станут короче и умереннее, милосердие и прощение тем меньше будет нужно; ибо сами законы тогда духом милосердия наполнены» (ст. 223) и др.

В литературе отмечается, что «Наказ» сыграл огромную роль в формировании российского правосознания конца XVIII в. М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал важнейшее значение этого документа в определении целей наказания, которые должны были преследоваться государством. В частности, «Наказ» впервые формулирует другую, помимо уже известных возмездия и устрашения, цель наказания, а именно – охранение общества от преступлений (ст. 144–147). Иногда, писал далее этот автор, проскальзывает в «Наказе» мысль о том, что цель наказания есть «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 84). Поэтому «Наказ» более рассчитывает на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83) [2, с. 372]. В данном случае в роли ведущего ученого-правоведа выступала сама Екатерина II, что само по себе представляло уникальный случай в Европе. Екатерининский «Наказ» стал, таким образом, первым ясным и четким выражением намерений государства в области уголовной и пенитенциарной политики, и представляет собой знаменательный, поворотный этап в развитии российской правовой мысли, дальнейшее развитие которой привело к необходимости создания института условного осуждения, хотя это произойдет еще не скоро.

В XVIII в. помимо Екатерины II появилось лишь несколько серьезных имен, занимавшихся правовыми вопросами. Среди них прежде всего следует назвать В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, С.Е. Десницкого, которые, в частности, считали необходимым резко ограничить применение смертной казни [3, с. 340-362]. Я.П. Козельский и А.Н. Радищев выступали за раскрепощение личности и защиту ее прав и свобод, независимо от сословной принадлежности, отмену телесных наказаний [3, с. 362-368]. Из этих имен на тот период истории в контексте рассматриваемой проблематики нас более всего интересует А.Н. Радищев, который достаточно подробно рассматривал вопросы о целях и задачах уголовного наказания, содержании наказания, сочетании отдельных видов наказания, соразмерности наказания и преступления, об отдельных видах наказания и т.д. Он писал, что целью наказания является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления» [4, с. 232]. Как представляется, здесь содержатся общие основания института условного осуждения. Дальнейшее развитие уголовно-правовой мысли в России конца XVIII – начала XIX вв., служившей теоретической основой института условного осуждения в России, связывается с именами Ф. А. Баузе, М. С. Неймана, С. Е. Десницкого Ф.В. Ушакова, Н.С. Мордвинова, А.П. Куницына, О.Г. Горегляда, Г.И. Солнцева, Н.В. Духовского, А.С. Чебышева-Дмитриева, Н.И. Тургенева, декабристов и др. Так, профессор Казанского университета И. Нейман также высказывал интересные мысли об уголовном наказании в начале XIX в., в частности, он выступал за соразмерность наказаний и преступлений, понимая под соразмерностью возможность путем применения наказания предупреждать преступления [5, с. 43]. Довольно подробно вопросы уголовного права, а в их рамках и вопросы уголовного

наказания исследовал О. Г. Горегляд. В 1815 г. был издан его труд, которая является первым опытом научной, догматической разработки общей части русского уголовного права [6]. Продолжая гуманное направление в русской науке уголовного права, он отмечал, что задачей наказания должно быть лишение или умаление чести преступника, а не причинение ему физических страданий, а само наказание определял как «зло физическое или нравственное, налагаемое за преступление» [6, с. 12-13]. Заметное место в правовой мысли России первой половины XIX в. занимал А.П.Куницын [7], который целью наказания считал исправление преступника. Труды А.П. Куницына сыграли большую роль в формировании мировоззрения декабристов, в том числе на сущность и цели уголовного наказания. Так, в своих работах П.И. Пестель в качестве целей наказания выдвигает общее и специальное предупреждение, воспитание и исправление преступников. Он писал: «Цель Законов, при определении наказания, единственно в том, чтобы удержать других людей от подобных преступлений, исправить если возможно самого преступника и поставить его в невозможность нарушать впредь спокойствие и благоденствие общества и "частных людей"» [8, с. 100-101]. Здесь «удержание» от совершения преступлений вполне можно рассматривать как элемент условного осуждения.

Аналогичную позицию занимал профессор Санкт-Петербургского университета П.Д.Лодий. В своей работе "Теория общих прав" (1828 г.) он обосновывал вывод о том, что, что подданных можно удерживать от совершения преступлений только тремя принудительными способами - нравственным, физическим и психологическим. Психологическое принуждение состоит в «представлении зла с противозаконным действием неминуемо сопряженного» [9, с. 122], причем главной ближайшей и правомерной целью угрозы применения наказания удержание

всех возможных преступников от нарушения прав именно «силою психологического принуждения» (нельзя не заметить, что условное осуждение содержит элементы психологического принуждения). В трудах более позднего периода по сути лишь повторялись указанные выше концептуальные положения, но, разумеется, на более широкой и глубокой системе аргументации. Как видно, российские правоведы достаточно четко ставили вопрос о необходимости приоритета предупредительной цели наказания.

Однако вопрос о практическом применении условного осуждения в современном его понимании встал лишь к концу XIX в. при разработке проекта Уголовного уложения. До этого вопрос об условном осуждении в нынешнем его виде не ставился и, разумеется, не закреплялся в законодательстве. Тем не менее прототипом условного осуждения в определенной степени можно считать наказание в виде ссылки в Сибирь, где осужденные находились под надзором и были обязаны соблюдать режимные требования. Предметно же впервые вопрос и введении в России условного осуждения обсуждался во время подготовительных работ к тюремному Конгрессу 1890 г. в пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества. Эта комиссия по докладу В. К. Случевского отнеслась сочувственно к институту условного осуждения. Позже А.А. Пионтковский публикует книгу «Об условном осуждении, или системе испытания: Уголовно-политическое исследование» (1894 г.) [10], что свидетельствует о явно повышенном интересе научно-юридической общественности к этому институту.

Заинтересованно отнесся к этому институту и съезд русской группы Союза криминалистов в 1899 г., выслушавший ряд подробных докладов и проектов о введении условного осуждения или об отсрочке исполнения

наказания; съезд признал большинством голосов желательным скорейшее введение этого института ради справедливости, человечности и государственной пользы. Но при официальном обсуждении вопроса о введении этого института Редакционная комиссия по составлению проекта Уголовного уложения высказалась против; равным образом не признало своевременным его введение и уголовное отделение Комиссии по пересмотру уголовного судопроизводства; наконец, Особое совещание при Государственном Совете по проекту Уголовного уложения, рассмотрев в 1900 г. подробно доводы, приводимые за и против этого института, нашло возможным только поручить Министерству юстиции подробно рассмотреть вопрос о введении у нас условного осуждения [11, с. 49].

Как видно, на завершающем этапе законодательного процесса предложение о введении условного осуждения в российском уголовном законодательстве было отвергнуто. И это при том, что условное осуждение, казалось бы, уже было признано как прогрессивный пенологический институт, прошедший проверку практикой в западных странах и призванный смягчать назначенные законом наказания ввиду индивидуальных особенностей преступника, то есть, если ввиду прежнего поведения обвиняемого, его раскаяния или долговременного предварительного заключения судья мог уменьшать наказание в значительных размерах, понижая срок наказания при лишении свободы до одного дня и штраф до самой ничтожной суммы, то не было оснований отказывать суду в праве признавать по рассмотрении дела, что сам факт привлечения обвиняемого к суду, служит для него достаточным наказанием. Мы полагаем, что отказ законодателя ввести в Уголовное уложение 1903 г. [12] институт условного осуждения во многом был предопределен отрицательной позицией ученого-правоведа и государственного деятеля

Н.С. Таганцева, который, как известно, в силу своего авторитета и должностного положения имел огромное влияние на содержание Уголовного уложения, и прежде всего норм, составляющих его Общую часть.

В частности, Н.С. Таганцева полагал, что принцип целесообразности восстает против одностороннего воззрения на наказание исключительно как на меру воздействия на преступника, воззрения, защищавшегося теорией предупреждения частного, забывавшей интересы общества и потерпевшего. Кроме того, то же начало целесообразности требует не только отвлеченной возможности известной меры борьбы с преступностью, но ее практической осуществимости и правильности. Соглашаясь с тем, что существуют случаи, в коих одно осуждение, публичное признание виновности может служить сильным репрессивным средством, так что всякая дальнейшая кара представляется чрезмерным страданием для осужденного, он вместе с тем отмечал, что эти случаи составляют исключение и не могут относиться ко всей массе применения наказаний; при этом не следует забывать, что наказание имеет в виду не только преступного индивидуума, но и общество, взволнованное преступным деянием, для которого этот путь заглаживания вины, в особенности если он получит значение ординарного проявления судейского усмотрения, не всегда может представляться достаточным. Сверх того, принятие условного осуждения требует слишком большого доверия к судебным органам, и притом не только со стороны государственной власти, но в особенности со стороны народа и лиц потерпевших. Необходимо, чтобы в народе существовало крепкое убеждение, что земский начальник, городской или мировой судья, применяя, например, к одному из обвиняемых в буйстве, нарушении благопристойности, нарушении правил, охраняющих народное здравие,

нарушении общественного спокойствия и т.д. арест, а другого отпуска без всякого взыскания, так сказать, на честное слово, руководствуются действительно особенностями личной виновности данного субъекта, а не какими-либо иными соображениями, ничего общего не имеющими с началами справедливости. Потом, нельзя забывать, сколько практических затруднений вызовет введение этого института как относительно объема применения, так и относительно порядка осуществления, и в особенности по нашему праву. Можно ли распространять этот институт на деяния, преследуемые в порядке уголовно-частном и оканчиваемые примирением? На нарушения уставов казенных управлений? На нарушения правил санитарных и о предупреждении эпизоотий, эпидемий и т.п.? На преступления против собственности, обложенные вообще тюрьмой, на кражи, мошенничества и т.п. Можно ли распространить этот институт на дела, подсудные волостным судам? Если не применять этот институт к рецидивистам, то как устроить регистрацию для маловажных наказаний? В процессуальном отношении, естественно, возникнут вопросы: как согласовать этот институт с порядком заочного разбирательства, с порядком обжалования приговоров и т. п.? Наконец, нельзя терять из виду тех затруднений, которые возникнут относительно наблюдения за дальнейшей жизнью осужденного, за констатированием учинения им вновь нарушений, влекущих арест или денежную пеню; сколько трудов вызовет составление особых справок судимости, печатание и рассылка их; в особенности трудно будет исполнение этих требований относительно населения, живущего отхожим промыслом, и т.д. [13, с. 457-458].

Подытоживая свои размышления по поводу условного осуждения, Н.С. Таганцев писал: «Ввиду всего этого я и ныне не нахожу возможности высказаться за введение в наше законодательство этого института, не

признавая его ни необходимой, ни безусловно справедливой мерой в борьбе с преступностью» [13, с. 458]. Тем не менее ученый не отвергал полностью этот институт – он полагал, что в будущем он мог бы быть применен в России, но в весьма в ограниченных рамках, в частности, условное осуждение следует расценивать как меру исключительную и как особый вид смягчения ответственности путем помилования, в силу ходатайства о том суда в порядке ст.775 Устава уголовного судопроизводства. Таким образом, суду предоставлялось бы право ходатайствовать или о полном прощении, или об уменьшении и замене наказания, или об отсрочке исполнения приговора с неприменением назначенного наказания в случае хорошего поведения осужденного. Такое ходатайство могло бы иметь место лишь относительно присужденных к аресту или к тюрьме, и притом за деяния, преследуемые в порядке публичном, так как применение рассматриваемой меры к деяниям, преследуемым в порядке частного обвинения, противоречило бы самой сущности этих деяний, и такое ходатайство не может быть допущено относительно лиц, ранее уже отбывших наказание не ниже тюрьмы [13. с. 458-459].

В результате такой позиции, как мы отмечали, институт условного осуждения так и не нашел отражения в Уголовном уложении. Очевидно, справедлив упрек П.П. Пусторослева по поводу того, что в Уголовном уложении не нашел применения «новейший институт» в виде «испытания преступника» (условное осуждение) [14, с. 75]. Таким образом, в научном сообществе дореволюционной России идея условного осуждения не получила поддержки, достаточной для ее трансформации в законодательные нормы (мы полагаем, что решающую роль имела позиция Н.С. Таганцева). Этот консервативный подход был изменен только спустя полтора десятка лет, когда в стране установилась советская власть.

Список использованной литературы:

1. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М., 1767.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907.
3. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1990.
4. Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.
5. Нейман И. Начальные основания уголовного права СПб., 1814.
6. Горегляд О.Г. Опыт начертания российского уголовного права. Ч.1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.
7. Куницын А. Право естественное. Ч.1. М., 1817.
8. Освободительное движение в России XIX века / Сб. документов. М., 1991.
9. Лодий П. Теория общих прав. СПб., 1828.
10. Пионтковский А.А. Об условном осуждении, или системе испытания: Уголовно-политическое исследование. Одесса, 1894.
11. Палаузов В.Н. К вопросу о будущем нашем уголовном кодексе. Одесса, 1901.
12. Уголовное уложение 1903 г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1914.
- Т. 16.
13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. СПб., 1902.
14. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Юрьев, 1907.

Дата поступления в редакцию: 22.01.2018 г.

Опубликовано: 27.01.2018 г.

*© Академия педагогических идей «Новация». Серия: «Научный поиск»,
электронный журнал, 2018*

© Упоров И.В., Зайцева Д.Т., 2018